

Историческая память в структуре человеческого «Я»

Валерий Еворовский,
заведующий отделом
истории философии
Института философии
НАН Беларуси, кандидат
философских наук,
доцент

Человек – биосоциальное существо, но как на обыденном уровне, так и в традиции философского осознания каждый из нас мыслится прежде всего как член некоего сообщества. Вся наша сущность как бы исходит извне. Мы в предлагаемом рассмотрении будем разворачивать обратную перспективу, ставя во главу угла именно человеческое. Тогда людское (которое, несомненно, включает и все социальное) будет представляться вторичным. Подобно гегелевскому самосознанию, внутренняя личностная сущность будет стремиться к экспансии вовне, нащупывая через разрастание соци-

ального некие свои абсолютные и относительные границы. Это подчеркивает деятельный характер личности, особую ее активность, которая у обычного человека обеспечивается и эмоциональной сферой. Последняя, в том числе нерационально и не до конца осознанно, обеспечивается нашей биологической конституцией.

Говоря о человеке, его человеческом и людском, мы впадаем в определенное противоречие. С одной стороны, моя человечность не отделяется от тела, делая меня *Homo sapiens*. С другой – надо мной нависает социальное, которое субъективно не есть мое. Однако это социальное есть разворачивание человеческого, будучи простым рас-

ширением последнего. С этой точки зрения каждое проявление людского немислимо без человеческого. Любой факт культуры, элемент социальной или исторической памяти когда-то родился в чьем-то конкретном индивидуальном сознании, однако, сменив форму, стал новым выражением некоего абстрактного человеческого, оторванного от биологического тела. Возможна и обратная схема. Человеческое всегда приходит в некое тело, делая из потенциального *Homo sapiens* настоящего человека. Причем, как во внешней онтологии, во внутренней биологической организации сознательное упирается в свои границы, успешно или нет, существуя в неких

внутренних рамках, за которыми начинается внесознательное [1, 2]. В таком контексте человеческое может быть отождествлено с более привычным направлением в рассуждении о понятии «я». Встречая гражданина N, мы прежде всего обращаемся именно к его или ее «я».

Если нечто людское приходит вовнутрь нас, то насколько удобно ему там будет? Можно поставить вопрос еще категоричнее: это нечто внешнее людское – свое оно или чуждое в недрах биологического организма? Данные рассуждения, которые мы отнесем к ряду условной примордиальной антропологии, разбиваются о неминуемое препятствие. Без человеческого как некоего индивидуального качества людского нет личности, в том числе как развитой биологической сущности. Анатомически человек еще не является человеком. Вспомним здесь эффект Маугли [3], олицетворение которого имело не только сказочные, но и реальные примеры. Следовательно, человек без культурного ядра не есть личность.

Базовые элементы структуры человеческого «я»

Вопрос о «я» как о первоэлементе самости и первичной предпосылке получения знаний о мире не ограничивается по своему значению только сферой познавательной деятельности [4]. На самом деле, используя понятие «я» в качестве коренного свойства, присутствующего человеческому сознанию, мы можем говорить об отсутствии самости (в случае, например, умственной отсталости [5])

или о ее неправильном функционировании [6]. Если рассматривать человеческий мозг как суперкомпьютер и предполагать, что самосознание новорожденного работает на начальном уровне развития человека, то инкультурацию, социализацию и образование можно представить как постепенное усложнение программы. Этот процесс приводит к двум взаимосвязанным последствиям. Во-первых, возникает способность человека вести себя как другие взрослые члены того же сообщества. Во-вторых, появляется ответственность за свои поступки.

Нечто, обладающее первым лицом и находящееся внутри человека, по сути, есть современная реплика когито Декарта. Признание сего факта сразу возвращает нас к исторической обусловленности данного конструкта, окончательно вызревшего только к зениту Нового времени [7]. Историческая и социально-пространственная привязка в который раз вправе вызвать сомнения применимости этого (как, впрочем, и любого иного концепта) к некому первоначальному человеку [8] с его исходным сознанием [9, 10]. И здесь мы вновь вынуждены подчеркнуть весьма захватывающую характеристику такой примордиальности – она есть и одновременно ее нет. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (Всеобщая декларация прав человека). Этот важный тезис, по крайней мере, философски можно легко распространить и на историческую перспективу, без опасений быть неправильно поня-

тым, хотя бы к митохондриальной Еве, предполагаемой праматири всех представителей рода человеческого, живущих сейчас на Земле. Таким образом мы получаем временной промежуток в 200 тыс. лет. То есть ко всем жившим и ныне живущим можно смело применять процитированный пункт из Всеобщей декларации прав человека. Ибо этот тезис достоин и исторической ретроспективы, в том числе и в духе наших рассуждений о человеческом в человеке.

Безусловно, столь позднее появление когито, которое наиболее адекватно подходит нашей концепции, можно объяснить с точки зрения хорошо знакомой просвещенческой перспективы, которую мы наглядно и просто выразим краткой цитатой из известного мультфильма: «Мы строили, строили и наконец построили!». Никто не мешает нам согласиться, что частично это так. Наверное, даже не в эпоху Декарта, а гораздо позже, ко временам Всеобщей декларации, вызрело понимание того, что любой конкретный человек ценен сам по себе, а не только в массе того или иного интеграла, к которому заведомо он мог принадлежать.

Мудрость зарождалась как некая общая форма коллективной работы с миром. И только потом и очень постепенно она подвергалась индивидуализации в отдельном сознании. Слишком поздно и не во всех культурах у человека находится время обратить на себя внимание. Самолюбование и самокопание и сейчас есть во многом элитарное занятие, для которого далеко не у каждого находится время. Всегда обществу

был нужен боец, ремесленник, сеятель. Основная масса деятельности представляла собой коллективную, а значит, в еще недалекие эпохи обезличенную работу. Таким образом, долгое время человеческое вполне уютно помещалось в людском и даже не требовало там отдельного места. И все же в людском вызревало человеческое хотя бы потому, что в некоей массе или естественно образованном человеческом интеграле рано или поздно выделялось отдельное (вождь, гражданин, пророк или мессия), которое требовало своего обозначения, в том числе и философским образом.

Историческая память

При построении наших конструкций не надо забывать, что помимо индивидуальной памяти, а также некоей текущей актуализации внешних событий существует память историческая. Время всегда делает присущую ему работу, отправляя меньшую категорию людей (через «запоминание» их мыслей и поступков) в вечность, а большую, увы, во временное или окончательное забвение. В ординарном случае четвертое, самое большее – пятое поколение означает полное забвение. Идеи и мысли, не поднявшиеся до заоблачных высот вечности, рано или поздно будут окончательно приземленными. Если их, конечно, не постигнет счастливое исключение (припоминаем судьбу рукописей Франца Кафки).

В любом случае, вечность всегда будет иметь темпоральную окраску. Вечное потенциально не существует, ибо даже такому физическому объекту, как Земля, уготовано есте-

ственное существование длинной примерно 5 млрд лет – это много, но не навсегда. То есть вечность сама по себе субъективна. Нечто атрибутируется бесконечной протяженностью кем-то (например, человеком), кто считает себя конечным. Впрочем, отрицание конечности своей ипостаси (теперь уже политической или культурной) не сильно меняет картину. Вспомним великие цивилизации Египта или Южной Америки, в которых нацеленность на вечность была вплетена во всю ткань существования.

Однако здесь мы как раз имеем случаи, подпадающие под девиз «Уйти, чтобы остаться». Назовем два имени: Юрий Валентинович Кнорозов, расшифровавший письменность майя, и Жан-Франсуа Шампольон, сделавший то же самое с египетскими иероглифами. Список этот, конечно, можно продолжить. Любая расшифровка доказывает возможность коммуникации, а это попутно решает еще одну задачу. Полноценно общаться можно только с себе подобными. В этом контексте здесь имеется в виду уже не биологическое тождество, а нечто другое. Два или более членов коммуникационного сообщества должны иметь одну структуру сознания, коль язык одного (в данном случае – древнего и давно умершего) может быть понят через многие и многие поколения. Однако язык как некая первичная и самая выдающаяся форма, знаменующая коммуникацию, – это еще не последний предел при рассмотрении темы человеческого подобия, транслируемой через тысячелетия исторической памяти.

Знаменательной чертой всех представителей рода человеческого является то, что они оставляют за собой внешнее тело, которое мы называем культурой. Мы, конечно, можем рассматривать некие останки, например, с анатомической точки зрения. Однако здесь нас интересует именно наследие, оставляемое человеческим сознанием, как правило, не одним, а представляющим большие его совокупности. Рисунку целебеской свиньи в пещере Леанг Тедонгнге (Индонезия) порядка 45 тыс. лет. Именно отсюда мы с полным правом можем тянуть нашу духовную историю, которую можно назвать еще и феноменальной.

Путешествие во времени в работе индивидуального сознания

Свои правила игры задает и субъективный мир, который составляет основу сознания человека. Даже на уровне всегда гипотетической примордиальной антропологии существует феноменальное сознание [11]. Еще задолго до появления соответствующих технологий мы начали жить в некоей дополнительной реальности, которая имеет все атрибуты действительности настоящей. И прежде всего – пространственно-временную матрицу. Наш внутренний мир имеет сложную систему времен, которая весьма приблизительно, но соответствует правилам языка, носителем которого является тот или иной человек. В основе любого (серьезного или нет) принятия решения лежит автоноэзис [12],

или субъективное путешествие во времени [13]. Наша память постоянно перебирает прошлое, будущее, настоящее с повторяющимися циклами разной протяженности [14].

Говоря об этом субъективном мире, мы совсем не имеем средств разделить в нем изначальное и культурно приобретенное хотя бы потому, что сама система времен имеет в разных языках свою структуру. Однако можно достаточно легко, закрыв глаза, путешествовать во времени, отправляясь в прошлое или перемещаясь в будущее в том виде, в котором мы его представляем. Примерно такую же форму имеет культура. По сути, это та же дополненная реальность, только обладающая уже не индивидуальным, а многоликим наполнением.

Для любого человеческого сообщества присутствие такого внешнего тела обязательно. И здесь важно наличие потребности говорить, то есть возникновение языка как для внутренней феноменальной, так и внешней культурной сферы. Именно это открывает путь для актуализации структур сознания, а также возможности темпоральных путешествий внутри него.

Специфически человеческим способом коммуникации является язык. Здесь можно ввести еще один короткий тезис – нельзя обозначить то, чего не существует. Конечно, никто не сбрасывает со счетов фантазии и, более банально, любые формы будущего времени, в случае русского языка – совершенные и несовершенные. Однако будущее – это всегда продолжение настоящего. Любая, даже самая безудержная фантазия только потому

не превращается в бессмыслицу, что черпает корни в настоящем, а именно в том, каким мы хотим видеть будущее.

С некими условностями предположим, что кот или собака могут что-то сигнализировать своему собрату. Однако без наличия внутреннего феноменального мира сложно допустить для животного какую-нибудь возможность рассказать про себя даже простенькую историю. В современной культуре устное народное творчество занимает скромное место. Тем не менее слово прекрасно запечатлевается в камне и, разумеется, на бумаге, которая долгое время была преобладающим материалом для сосредоточения знания. Конечно, простая запись есть только непосредственная фиксация, ибо культура вообще, включающая, например, технологию или архитектуру, в конечном счете есть овеществление слова, произведенного в более сложной и даже изощренной форме. Отходя от темы немного в сторону: реальность в таком контексте несколько отличается от фантазии. Ибо, анализируя со стороны прошлого настоящее, иногда замечаешь такие метаморфозы актуального, что никакое предшествующее просто не было в состоянии предвосхитить.

Вышеизложенное – лишь общая карта того, как прошлое творит настоящее. Эта система коллективного автономизиса одновременно и простая, и сложная, ибо создала все, начиная от приснопамятного колеса и кончая всеми теми многоуровневыми смыслами, которыми мы сейчас пользуемся. Человек начал поздно задумываться о струк-

туре своего внутреннего мира. Но, не понимая до конца что он есть сам, человек через производство и творчество транслировал свой внутренний мир вовне, где он в некоем синкретичном единстве с микрокосмами других творил культуру. Работа с внешним миром очень подобна на те микропутешествия во времени, которые внутри нашего сознания мы совершаем постоянно и которые для него считаются исконными. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. V. Yevarouski. Consciousness: between biology and culture / V. Yevarouski // «Philosophical studies» yearbook. 2020. iss. 7. P. 260–274.
2. V. B. Yevarouski. Bodily Boundaries of Sociality: Consciousness and the Self between Biology and Culture / V. B. Yevarouski // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2022. Vol. 65, iss. 3. P. 77–89.
3. Candland D. K. Feral children and clever animals: Reflections on human nature / D. K. Candland. – New York, 1996.
4. D. W. Smith. The structure of (self-) consciousness / D. W. Smith // Topoi. 1986. Vol. 5, iss. 2. P. 149–156.
5. Sedikides C. The self / C. Sedikides, S. Spencer. – Hove, 2007.
6. B. Kimura. Cogito and I: A Bio-logical Approach / B. Kimura // Philosophy, Psychiatry, & Psychology. 2001. T. 8, №4. C. 331–336.
7. Menn S. P. Descartes and Augustine / S. P. Menn. – Cambridge, 1998.
8. Janov A. Primal man: The new consciousness / A. Janov, E. M. Holden. – New York, 1975.
9. T. E. Feinberg. The nature of primary consciousness. A new synthesis / T. E. Feinberg, J. Mallatt // Consciousness and cognition. 2016. Vol. 43. P. 113–127.
10. M. Vandekerckhove. The emergence of primary anoetic consciousness in episodic memory / M. Vandekerckhove, L. C. Bulnes, J. Panksepp // Frontiers in behavioral neuroscience. 2014. Vol. 7. P. 210.
11. N. Block. On a confusion about a function of consciousness / N. Block // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18, iss. 02. P. 227–297.
12. E. Tulving. Memory and consciousness / E. Tulving // Canadian Psychology / Psychologie canadienne. 1985. Vol. 26, iss. 1. P. 1–12.
13. A. Zaman. Does autooetic consciousness in episodic memory rely on recall from a first-person perspective? / A. Zaman, C. Russell // Journal of Cognitive Psychology. 2022. Vol. 34, iss. 1. P. 9–23.
14. J. Quoidbach. Personality and mental time travel: a differential approach to autooetic consciousness / J. Quoidbach, M. Hansenne, C. Mottet // Consciousness and cognition. 2008. Vol. 17, iss. 4. P. 1082–1092.